

И. М. Глускина

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АТТИКЕ IV в. до н. э.

(Афинские трапезиты)

ХАРАКТЕРНОЙ фигурой деловой жизни Афин IV в. были трапезиты. Они выступали в роли заимодавцев, хранителей вкладов, посредников и свидетелей при заключении сделок и различного рода платежах. Общее направление их деятельности и основные функции выступают на первый взгляд достаточно отчетливо. Однако подлинная роль афинских трапезитов в сфере денежно-кредитных отношений далеко не выяснена. Это проявляется в противоречивых оценках их деятельности. В то время как одни исследователи видят в трапезитах предшественников будущих банкиров и прямо приписывают им функции, характерные лишь для более поздних исторических эпох, с иными формами экономической жизни¹, другие склонны преуменьшать объем и значение деятельности трапезитов, сводя ее к самым примитивным функциям².

Такая разногласия в суждениях объясняется как различными тенденциями в оценке древнегреческой экономики, так и состоянием сохранившихся источников. Сведения о деятельности древнегреческих и прежде всего афинских трапез содержатся главным образом в литературных источниках, судебных речах афинских ораторов, публицистических и философских произведениях. Ни одно из них не посвящено специально этому вопросу, упоминания о трапезах и трапезитах случайны, разрознены, связаны с взаимными обвинениями и притязаниями сторон в суде, общими рассуждениями авторов экономических и политических трактатов и не дают связной общей картины. Документальных свидетельств об афинских трапезах почти нет³. При суждении об их деятельности нередко проводят

¹ J. Beloch, Griechische Geschichte, II, Strassburg, 1897, стр. 350—352; O. Hübner, Die wirtschaftlichen Verhältnisse Athens vom Ende des Peloponnesischen Krieges bis zum Königsfrieden, Münch., 1939, стр. 83 слл.; J. Hasebroeck, Zum griechischen Bankwesen der klassischen Zeit, «Hermes», LV, 1920, стр. 117—118, 142 слл.

² См., например, M. I. Finley, Land, Debt and the Man of Property in classical Athens, PSQ, LXVIII, 1953, 2, стр. 265. Ср. P. Vidal-Naquet, Economie et société dans la Grèce ancienne: l'oeuvre de Moses I. Finley «Archives Européennes de Sociologie», VI, 1965, стр. 140, прим. 89.

³ Известно, что в трапезах велись счетные книги (γραμματαίον, ὑπομνήματα), куда записывались производившиеся денежные операции, — (De m.), XLIX 5, 8, 17, 30, 43, 59, 62; LII, 4—6, 19; Iso c r., XVII, 7. К сожалению, ни одна из них не сохранилась.

аналогии со значительно лучше документированными кредитно-денежными отношениями Птолемеевского Египта. Единодушно признаваемая близость частного права Птолемеевского Египта с афинским⁴ привела к тому, что рассмотрение его институтов проводится обычно в плане сравнения с соответствующими институтами Афин классического периода⁵. При этом ввиду значительного численного преобладания свидетельств эллинистического периода непроизвольно появилась тенденция приписывать классической Греции элементы более развитого денежного обращения, которые характерны для более позднего времени.

В результате такого состояния источников расхождения касаются не только общей оценки роли древнегреческих трапез, но и таких важных конкретных аспектов, как удельный вес трапезитов в кредитных операциях, целевое назначение займов, предоставлявшихся трапезами, экономические и социальные результаты этих кредитных операций, круг лиц, втянутых в эти отношения. Естественно, что в той или иной мере вопросы деятельности трапез рассматриваются в любой работе, посвященной социально-экономическим отношениям древней Греции. Однако до недавнего времени не было больших обобщающих весь известный материал исследований этой проблемы. Теперь же появились одна за другой две работы бельгийского ученого Богарта, первая из которых посвящена вопросу о происхождении и эволюции «банков» древнего мира⁶ и опровергает распространенное мнение, будто древнегреческие «банки» выросли из восточных, а вторая — специально «банкам» древней Греции⁷. Богарт собрал и критически рассмотрел большой материал в основном литературных, а где возможно, и эпиграфических источников и попытался дать общую картину деятельности древнегреческих трапез. Кроме свидетельств об Афинах, которые в силу своего численного преобладания обычно фигурируют как основной материал, автор привлек и подверг обстоятельному анализу все сохранившиеся сведения о трапезах в других областях древней Греции. Но эта обстоятельная, синтезировавшая обширный материал работа, к которой отныне будет обращаться любой исследователь кредитных отношений в древней Греции, лишний раз показала, что характер сохранившихся свидетельств позволяет выдвигать новые или подкреплять дополнительными аргументами уже ранее выдвигавшиеся гипотезы, но не дает возможности окончательно решить ряд спорных проблем⁸. Рассмотрению одной из них, а именно — социальному аспекту деятельности афинских трапез в IV в. до н. э. и посвящается данная статья.

В научной литературе обычно отмечается, что в составе афинских трапезитов были метеки и даже бывшие рабы⁹. Это правильное наблюдение, однако, не увязывается в достаточной степени с ролью и функциями трапез и, в частности, с выяснением той сферы в области кредитно-денеж-

⁴ R. Taubenschlag, *The Law of the Graeco-Roman Egypt in the Light of the Papyri*, 2 ed., Warszawa, 1955, стр. 21 сл.; С. Я. Лурье, *The Oxyrhynchus Papyri*, part XVIII, ВДИ, 1947, № 1, стр. 111.

⁵ L. Mitteis, *Trapezitika*, ZSSRA, XIX, 1898, стр. 198—260; Fr. Preisigke, *Griechen im griechischen Aegypten*, Strassburg, 1910; H.-A. Rupprecht, *Untersuchungen zum Darlehen im Recht der Graeco-Aegyptischen Papyri der Ptolemäerzeit*, «Münch. Beiträge zur Papyrusforschung und Antiken Rechtsgeschichte», Hft 51, 1967.

⁶ R. Bogaert, *Les origines antiques de la Banque de dépôt. Une mise au point accompagnée d'une esquisse des opérations de banque de Mesopotamie*, Leyde, 1966 — см. рец.: М. А. Дандамаев, ВДИ, 1968, № 3, стр. 183—186.

⁷ R. Bogaert, *Banques et banquiers dans les cités grecques*, Leyde, 1968.

⁸ Об этом будет подробнее сказано в моей рецензии на книгу Богарта, которая появится в одном из ближайших номеров ВДИ.

⁹ M. Clerc, *Les métèques athéniens*, P., 1893, стр. 143, 155 сл.; Н. Volkestein, *Economic Life in Greece's Golden Age*, Leiden, 1958, стр. 133; Bogaert, *Banques...*, стр. 62.

№№	Имя	Юридический статус	В связи с чем упоминается	Источник	Дата		Примечание
					упоминания (источника)	сообщаемых фактов	
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Антисфен		Владел трапезой совместно с Архестратом. Бывший хозяин Паснона.	Dem., XXXVI, 43, 48; XLIX, 6; LI, 8, 14.	352—319	до 394	См. № 3, 15
2	Аристолох, сын Харидеа	Афинский гражданин	Вначале процветал, затем разорился, земля досталась кредиторам, сын имел неприятности.	Dem., XXXVI, 50; XLV, 63—64.	350/49 после 352	371/370	
3	Архестрат	» » ²	Владел трапезой совместно с Антифеном. Бывший хозяин Паснона. По просьбе Паснона поручился за сына Софя на сумму в семь талантов. Но впоследствии сын Архестрата бедствует.	Dem., XXXVI, 43, 48; XLIX, 6; LI, 8, 14. Isocr., XVII, 43.	350/49	до 394	См. № 1, 15
4	Блестей		Одолжил 20 мин для «покушки» рудника двум афинянам — отцу и сыну. Посредник в споре Демосфена с Миндем.	Dem., XXI, 215.	345	до 359/8	Слово <i>ἀουή</i> здесь означает покупку права на разработку государственного рудника.
5	Гераклид		Одолжил 30 мин византийскому судовладельцу Анагорию под поручительство афинского гражданина.	Dem., XXXIII, 7, 9.	30-е годы IV в.		
6	Евкл		В его трапезе лежал небольшой вклад афинянина Комона. Обанкротился. У него на хранении договор о займе под залог недвижимого имущества.	Dem., XLVIII, 12. Dem., XXXIII, 9. IG, II/III ² , 2741.	343		Что вклад был невелик, видно из того, что все деньги из него ушли на похороны. Finley ³ , <i>heros</i> № 39.
7	Евмиф	Волепоотнущенник Эпигена	У него вклад триерарха Ксенокла, который выручил Евмифа, когда наследник бывшего хозяина пытался поработить его.	Isae, frg. VIII Roussel ⁴ ; Dion. Hal., <i>De Isaco</i> , 5, 7; Harpocr., s. v. <i>ἐξαρρέσεως δίκην</i> Suid., s. v. <i>ἐμποδίων</i> .	30-е годы IV в. вторая половина IV в. до н. э.	после 358/7	

Продолжение

№№	Имя	Юридический статус	В связи с чем упоминается	Источник	Дата		Примечание
					упоминания (источники)	сообщаемых фактов	
8	Евфрай	Вольноотпущенник децетей Паснона	Арендовал трапезу у наследников Паснона после Формиона.	Dem., XXXVI, 13—14, 37.	350/49		Совместно с еще тремя вольноотпущенниками, см. № 9—10, 13.
9	Евфрон	Вольноотпущенник децетей Паснона	» »	Dem., XXXVI, 13, 14, 37.	» »		Совместно с еще тремя вольноотпущенниками, см. № 8, 10, 13.
40	Каллестрат	Вольноотпущенник децетей Паснона	Арендовал трапезу Паснона у его наследников после Формиона.	Dem., XXXVI, 13, 14, 37.	» »		См. № 8—9, 13.
41	Китт	Вольноотпущенник децетей Паснона	Доверенный раб в трапезе Паснона. Получил свободу.	Isocr., XVII, 44—43, 45—47, 21, 27, 49, 51, 53—55.	393—391		
42	Конон	Метек	Впоследствии он или его сын(?) имел свою трапезу, берет на хранение договор о морском займе ⁴ .	Dem., XXXIV, 6	327/6	329	
43	Ксенон	Вольноотпущенник децетей Паснона	Получил гражданские права по предположению Демосфена.	Din., 1, 43.	324	330—328	
44	Паскл	Сын Паснона	Арендовал трапезу у наследников Паснона.	Dem., XXXVI, 13, 14, 37.	350/49		См. № 8—10
45	Пасгон	Вольноотпущенник децетей Паснона	Унаследовал трапезу отца, участвует в триерархиях.	Dem., XXXVI, 14; Hureteid., fr. 134 (Blass).	после 340 г.	364/3	
			Тяжба с сыном Соцея. Тяжба с Каллином. Займы стратегу Тимофею.	Isocr., XVII, passim; Dem., LI, passim; [Dem.], XLIX, passim.	393/391 369/368 363/362	395	См. № 1, 3.
			Заслуги перед Афинским государством.	Dem., XXXVI, 47; XLV, 85; XLVI, 15; XLIX, 46; LI, 26; LII, 18; SEG, III, 138, сткк. 47—49.		374—372	

№№	Имя	Юридический статус	В связи с чем упоминается	Источник	Дата		Примечание
					упоминания (источника)	сообщенных фактов	
16	Пилад		Вклад отца Демосфена в его трапезе (2400 драхм). Получил гражданские права для себя и потомков. Купил золотое ожерелье у афинянина, нуждавшегося в деньгах для уплаты долгов. Иноземные друзья Паснона уже после его смерти выручают его сына Аполлодора.	Dem., XXVII, 41. Dem., LIX, 2; Dem., LIII, 18. Aeschr., Ep. I, 13, 4 ⁵ .	363	377	
17	Сатир		Состояние Паснона, его репутация. Смерть Паснона.	Dem., XXXVI, 5, 43. Dem., XXXVI, 22; XLVI, 43.	350/49 после 352 г.	376 370/369	
18	Сокл		Вклад отца Демосфена в его трапезе (600 драхм).	Dem., XXVII, 41.	363	до 377	См. № 19.
19	Сократ	Вольноотпущенник Сократа	Получил свободу и женился на вдове своего господина, тоже вольноотпущенника. Завещал своему вольноотпущеннику Тимодему трапезу и жену.	Dem., XXXVI, 28.	350/49		См. № 21.
20	Сосном	Вольноотпущенник	Известный трапезант, завещал свою жену (очевидно, и дело) вольноотпущеннику Сатиру. Одолжил деньги ученику Сократа Эсхину. Обанкротился.	Dem., XXXVI, 28. Lys., frg. I=Ath., XIII, 614 f; Dem., XXXVI, 50.	350/49	399—380 374/370 371/370	См. № 17.
21	Тимодем	Вольноотпущенник Сокла	Обанкротился.	Dem., XXXVI, 29, 50.	350/49		См. № 18.
22	Феокл		Одолжил 1000 драхм Аполлодору под золотой венок и сосуды.	Dem., LIII, 9.	365	368	
23	Филий		Его трапеза — место встреч.	Lys., IX, 5.	395—387		

№№	Имя	Юридический статус	В связи с чем упоминается	Источник	Дата		Примечание
					упоминания (источника)	сообщаемых фактов	
24	Формион	Вольноотпущенник Паснона. Затем получил гражданские права	Доверенный раб Паснона. Арендует у Паснона трапезу и оружейную мастерскую. Женится на вдове Паснона, опекун его младшего сына. Открыл свою трапезу. Получил гражданские права. Процесс с Аполлодором.	[Dem., I, XLIX, 47; XLV, 33. Dem., XXXVI, 4, 7; XLV, 29, 31. Dem., XLVI, 24; XXXVI, 32. Dem., XXXVI, 40; Aesch., II, 465. Dem., XXXVI, 47; XLVI, 13. Aesch., Erist. 6 ^d .	343 после 352 г. 350/49 после 352 г. после 352 г. 350/49 350/49 343	372/371 369 362 361/360	См. № 15.
25	Хармолай		Родосец Аристон идет в Афины, чтобы взыскать у него деньги за своего престарелого родственника.				
26	Эпиген	Метек	Получил гражданские права по предположению Демосфена.	Din., I, 43.	324	330—328	См. № 12

ных отношений, которая выделилась в особую профессию в Афинах IV в. до н. э.

Действительно, чем можно объяснить, что столь доходная, по-видимому, область занятий оказалась в значительной степени в руках неграждан? И более того: если проанализировать состав известных нам афинских трапезитов IV в. до н. э., то окажется, что подавляющее их большинство — не просто приехавшие в Афины на постоянное жительство переселенцы из других областей — метеки, а вольноотпущенники, бывшие рабы (см. таблицу).

Примечания к таблице

¹ В таблицу включены лишь те лица, которые обозначены в источниках как трапезиты или упоминаются в связи с деятельностью трапез. Так, например, четыре вольноотпущенника, арендовавшие трапезу у детей Пасиона, могут считаться трапезитами, хотя не сохранилось сведений об их самостоятельной деятельности в этой области. Взять на себя ведение трапезы могли лишь люди, прошедшие специальную выучку и обладавшие определенными деловыми качествами.

² Привлечение Пасионом Архестрата в качестве поручителя за своего клиента (I s o c r., XVII, 43) говорит о том, что Архестрат имел гражданские права. Богарт (Banques..., стр. 62), исходя из презумпции, что трапезиты — метеки, полагает, что Архестрат не был гражданином по рождению, а стал им к этому времени по декрету афинского народа. Но это мнение ничем не обосновано.

³ M. I. Finley, *Studies in Land and Credit in Ancient Athens*, N. Y., 1952, стр. 272, прим. 52. Дополнение $\tau\rho\alpha$ [πρᾶξις] бесспорно.

⁴ Поскольку упоминания о Китте — доверенном лице Пасиона — относятся к 90-м годам, а о Китте — трапезите — к 20-м годам IV в. до н. э., представляется маловероятным, чтобы это был один и тот же человек. По мнению Жерне (L. G e r n e t, *Démosthène. Plaidoyers civils*, I, P., 1954, стр. 155, прим. 1), речь идет об отце и сыне. Богарт (Les Banques..., стр. 83) отрицает какую бы то ни было связь между Киттами на том основании, что в Афинах неизвестны случаи наследования сыном трапезы отца. Не говоря уже о том, что здесь *argumentum e silentio* несостоятелен, Богарт забывает о Пасикле, младшем сыне Пасиона, наследовавшем трапезу отца (D e m., XXXVI, 11).

⁵ Письмо Алкифрона, автора II—III вв. н. э., фиктивно, но он приводит имя известного афинского трапезита. Очевидно, традиция сохранила воспоминания о деятельности трапезитов IV в., в частности об их интересе к драгоценным вещам. Ср. B o g a e r t, *Banques...*, стр. 70.

⁶ Письмо, приписываемое Эсхину, считается подделкой риторской школы II в. н. э. Но имя трапезита может быть столь же достоверно, как имя Пасиона в письме Алкифрона. Ср. B o g a e r t, *Banques...*, стр. 85—86.

Из 26 известных нам по имени афинских трапезитов IV в. до н. э.¹⁰ 14 бесспорно не были коренными афинянами (№ 7—15, 17, 19, 21, 24, 26); относительно 10 сведений нет, двое, очевидно, были гражданами (№ 2—3). То, что среди трапезитов в это время было мало коренных граждан, можно объяснить нежеланием последних отдаваться целиком делу, поглощающему много сил и времени и связанному с риском. К тому же в некоторых кругах афинского населения существовало пренебрежительное отношение

¹⁰ Число трапезитов в действительности было значительно большим, так как сохранившиеся упоминания случайны. Трапезиты, упоминающиеся в источниках без указания имени, в таблицу не включены (D e m., XIX, 293; LVI, 15; H u r e i d., c. Athen. 4; D i o g., L. VI, 88).

к хремастике¹¹. Объяснения требует то, что среди 14 трапезитов неафинского происхождения — 11 вольноотпущенников, а один сын вольноотпущенника¹². Что касается Конона и Эпигена (№ 12, 26), получивших гражданские права по предложению Демосфена, то неизвестно, приехали ли они в Афины свободными людьми или тоже были вольноотпущенниками. Надо выяснить и то, почему именно в этой сфере занятий распространены были случаи, когда трапезит передавал свое дело по завещанию или еще при жизни доверенному рабу, уже раньше получившему свободу или освобожденному теперь? Так, Пасион, доверенный раб трапезитов Архестрата и Антисфена, получил свободу и, возможно, трапезу своих бывших хозяев¹³. Формион, доверенный раб Пасиона, получил в управление трапезу еще при жизни хозяина, а после его смерти продолжал ведасть ею в течение еще восьми лет. Он женился на вдове Пасиона Архинне согласно воле покойного, выраженной в завещании¹⁴. Трапезит Сократ, тоже вольноотпущенник, отдал жену своему бывшему рабу Сатиру. Трапезит Сокл передал дело и жену своему вольноотпущеннику Тимодему (Dem., XXXVI, 28—29). Демосфен прямо говорит, что такого рода факты обычны в среде трапезитов (οἱ περὶ τὰς ἐρχασίας ὄντες ταύτας), причем не только в Афинах, и приводит дополнительный пример эгинского трапезита Стримодора, который выдал за своего раба Гермея жену, а после ее смерти — дочь.

О чем говорят все эти, порой курьезные, как в последнем случае, факты? Передача трапезы вольноотпущеннику свидетельствовала о высокой оценке его деловых качеств и заботе о продолжении дела. Если трапезит делал это при жизни, это объяснялось желанием избавиться от хлопот в связи с болезнью или старостью. Если это предусматривалось завещанием, речь шла о сохранении предприятия и деловых связей в пользу оставшихся членов семьи. Когда одряхлевший Пасион передавал трапезу Формиону, старший его сын Аполлодор уже был совершеннолетним. И тем не менее отец не решился доверить ему трапезу. И впоследствии, когда истек срок аренды трапезы Формионом, она была передана четверем вольноотпущенникам наследников Пасиона (Dem., XXXVI, 13—14, 37).

Очевидно, объяснения следует искать в самой деятельности трапез, в ее организации, в их функциях, экономической и социальной роли. Как уже было сказано, наши сведения в этой области не могут считаться удовлетворительными. Поскольку древнегреческие трапезиты выросли из первоначальных менял, естественно, что в их функции должен был входить обмен монет различных систем, размен более крупных единиц на более мелкие и проверка качества денег. Несмотря на то, что в большинстве греческих государств можно было платить любой иноземной монетой, все же в ряде случаев купцы и кредиторы предпочитали считавшиеся полноценными аттические тетрадрахмы, статеры Кизика и дарики. Кроме того, монеты изнашивались от длительного употребления, а в периоды кризисов греческие государства прибегали к выпуску заведомо неполноценной монеты¹⁵. Нередко в обращение попадали и фальшивые деньги¹⁶.

¹¹ Это пренебрежение, отчетливо выступающее в сочинениях Аристотеля и Платона (Arist., Polit. 1257b — 1258a; Plato, Leges, VIII, 849b; XI, 918 a; Resp. VIII, 555b — 557a), имеет совсем другие корни, чем народная вражда к ростовщикам, о которой свидетельствуют судебные речи (Dem., XXXVII, 52; ср. XLV, 70).

¹² Пасикл, сын Пасиона.

¹³ Dem., XXXVI, 43, 46; Isocr., XVII, 43. В источниках прямо не сказано, что Пасион получил трапезу своих бывших хозяев, но видно, что он имел свое дело еще при их жизни.

¹⁴ Dem., XXXVI, 3, 7, 12—14, 32, 44, 48; XLV, 29, 31—35.

¹⁵ Aristoph., Ran. 720; Dem., XXIV, 214; Xen., Vect. III, 2; [Arist.], Oec. II, 2, 1347a, 8—10. Ср. Ch. Seltman, Greek Coins, L., 1933, стр. 138, 178; Bogaert, Banques..., стр. 317.

¹⁶ Dem., XXIV, 212; Syll.³, 530.

Все это в сочетании с наличием множества одновременно обращавшихся монет различной системы чеканки требовало специальных знаний и навыков от людей, занимавшихся разменом, обменом и проверкой монет. Не случайно известен ряд обозначений этого рода занятий¹⁷. Не приходится сомневаться в том, что это входило и в функции трапезитов. Тем не менее следует отметить, что в афинских свидетельствах IV в. до н. э. нет ни одного прямого упоминания о такого рода деятельности трапез. Даже если учесть то, что говорилось выше о недостаточности сохранившейся традиции, нельзя ли заключить отсюда, что эти функции в основном обособились в отдельную профессию¹⁸ и не играли большой роли в деятельности и доходах афинских трапезитов?

Значительно большее место занимали безусловно операции по различного рода вкладам. Это могли быть деньги, просто отданные на хранение, вклад с поручением передать его полностью или частично третьему лицу, указанному вкладчиком (Dem., LII, 3), вклад какой-либо спорной суммы до разрешения спора, временный вклад денег, предназначенный для уплаты долга или покупной суммы (Dem., XLVII, 49, 51, 57, 62, 64; Hypereid., с. Athen. 4), вклады на длительное время, за которые вкладчик получал от трапезы проценты. Мы, к сожалению, мало знаем о тех взаимных обязательствах, которые возникали при краткосрочных вкладах в трапезу. Судя по тому, что при их взыскании нет речи о наросших процентах, можно предположить, что в этих случаях проценты или вовсе не взимались, или были очень невелики. Во всяком случае эти вклады не фигурируют как источник получения вкладчиком доходов. Таков, например, вклад триерарха Ксенокла у вольноотпущенника Евмафа, сделанный им перед отплытием в опасную экспедицию (Isae., frg. VIII Roussel), возможно, и вклады Демосфена Старшего у Пасиона и Пилада (Dem., XXVII, 11)¹⁹.

Решающую роль в деятельности трапез безусловно играли процентные вклады, которыми трапезит мог распоряжаться по своему усмотрению²⁰. Когда сын Сопея попросил у Пасиона свои отданные в трапезу на хранение деньги, Пасион заявил вначале, что у него нет в данный момент наличных денег (Isocr., XVII, 9). Это было воспринято как нечто вполне естественное²¹. Вкладчик не возражал против временного использования трапезитом его денег, но при условии возврата их по первому требованию. У нас нет данных, что эти процентные вклады делались на какой-то определенный, точно фиксированный срок. Неизвестны и размеры процентов, которые получал вкладчик. А priori можно сказать, разумеется, что они были ниже тех процентов, которые мог получить сам трапезит, вкладывая деньги в

¹⁷ δοχμαστής, ἀρχυρογνώμων, ἀρχυροσκόπος, ἀρχυραμοιβός, χρυσάμοιβός.

¹⁸ Ср. F. Heichelheim, Wirtschaftsgeschichte des Altertums, I. Leiden, 1938, стр. 353; B. L a u m, Banken und Giroverkehr, RE, Supplbd. IV (1924), стб. 73—75.

¹⁹ Эти вклады в 2400 и 600 драхм упоминаются наряду с деньгами, лежавшими у родственника Демосфена Демомела. Это говорит как будто, что они были просто отданы на хранение. С другой стороны, поскольку доходы Демосфена складывались из поступлений от процентных долгов и ремесленных предприятий, можно полагать, что и в трапезы деньги помещены были ради дохода. Неясно назначение и небольшого вклада афинянина Комона в трапезе Гераклида (Dem., XLVIII, 12, 15).

²⁰ По мнению Богерта (Origines..., стр. 137—144), лишь с того момента можно говорить о появлении банков, когда их владельцы получают возможность свободно оперировать чужими средствами. Этого не было в государствах древнего Востока, поэтому родина банковского дела — древняя Греция.

²¹ Право трапезита распоряжаться деньгами вкладчиков видно и из того, что при оценке имущества ксенов и метеков для обложения их эйсфорой сын Сопея заявил, чтобы его деньги, которыми пользовался Пасион, были записаны на него, а не на трапезита (Isocr., XVII, 41).

то или иное предприятие или одаживая деньги от себя²². Вкладчик терял на этом часть потенциальных доходов, но зато выигрывал, освобождая себя от хлопот и связанного с денежными операциями риска. Для иноземных купцов, ненадолго приезжавших в Афины, и метеков, вынужденных жить в наемных помещениях, да и для некоторых афинян трапезы были более надежным, чем их жилища, местом хранения ценных вещей и денег. К тому же деньги, находившиеся в трапезе и пускавшиеся в оборот трапезитом, легче было утаить от финансовых повинностей, возлагавшихся государством²³.

Из вкладов, предоставленных в распоряжение трапезита (*παρὰ τὰ τῆς τραπεζῆς*), и его собственных денег, вложенных в дело (*ἐν τῇ τραπεζῇ*), складывались основные оборотные средства трапезы. Поскольку вклады могли быть востребованы по истечении договорного срока (если таковой был) и просто по мере надобности, в трапезе всегда должно было быть в наличии определенное резервное количество денег на случай единовременного истребования вкладов несколькими или многими вкладчиками. Упоминаемые в источниках случаи банкротства трапезитов свидетельствуют, что они не всегда оказывались в состоянии справиться со своими задачами²⁴. Представление о риске, связанном с деятельностью трапезы, сказалось при разделе имущества Пасиона между двумя его сыновьями. Старший из них Аполлодор, имевший право выбора, предпочел взять себе не трапезу, приносящую 100 мин дохода в год, а эргастерий щитов, дававший только талант дохода (Dem., XXXVI, 14). Оратор прямо объясняет это осторожностью Аполлодора, который не хотел связываться с рискованным делом, основанным на использовании чужих денег.

Как же использовались те средства, которыми располагал трапезит? Вполне естественно, что трапезы, хранилища ценностей и больших денежных сумм, превращаются в центры кредитных операций. Трапезиты одаживают деньги на различных условиях и на разные нужды²⁵. Поскольку они должны были платить проценты своим вкладчикам, трапезиты, естественно, стремились вкладывать средства в наиболее доходные предприятия. В Афинах IV в. до н. э. это были прежде всего морская торговля и морские займы²⁶. Представление о том, что морскую торговлю в

²² Богарт (Banques..., стр. 345—347) полагает, что в «Трапезитике» Исократ можно найти свидетельство о размерах процентов, которые платил Пасион сыну Сопея. Вначале там говорится о шести, затем о семи талантах. Разница в талант получилась благодаря выросшим процентам. По расчетам Богарта это составляет 10% (за год и 8 месяцев). Нам представляется, что речь Исократ не дает достаточных опорных пунктов для таких расчетов.

²³ Так, Аполлодор прямо обвиняет Стефана за то, что он ведет свои доходные дела через трапезу, чтобы уклониться от литургий (D e m., XLV, 66). У Исократ (XVII, 7) деньги сына Сопея, лежавшие в трапезе Пасиона, противопоставляются другим его деньгам (*τὰ παρὰ τῆς τραπεζῆς*). Однако в других случаях деньги в трапезе рассматриваются как *οὐκ ἐστὶν ἀποδοτέα* (например, вклад Комона в трапезе Гераклида — D e m., XLVIII, 12). Здесь не было четкости в деловой практике, что нашло отражение и в источниках. Если бы вклады в трапезах, как правило, освобождались от обложения, сам факт помещения туда денег считался бы крамольным. Между тем богатые афиняне не считали нужным скрывать, что хранят деньги в той или иной трапезе. Более того, по свидетельству Феофраста (T h e o p h r., Char. XXIII, 2), это было признаком почтенного человека.

²⁴ D e m., XXXIII, 9; XXXVI, 50; XLV, 63; XLIX, 68.

²⁵ D e m., XXXIII, 7; XLII, 56; XLIX, passim; LIII, 9.

²⁶ Обычный процент при денежных займах в Аттике IV в. до н. э. равнялся 12% (D e m., XXVII, 9; XXXVII, 5; A r i s t., Ath. Pol. 52, 2). При морских займах он был гораздо выше, существовало даже специальное обозначение *ναυτικοὶ τόκοι* (D e m., L, 17; LVI, 17). Но так как размеры процентов законом не ограничивались (L u s., X, 16), то амплитуда колебаний и при морских займах могла быть довольно большой (см., например, D e m., XXXV, 10; L, 17). При займах, не связанных с морской торговлей, тоже засвидетельствованы более высокие, чем обычные 12%, ставки (D e m., LIII, 13; I s a e., XI, 42; L u s., fr. 1=Ath. XIII, 611 e-f).

основном кредитовали трапезиты, настолько распространено, что некоторые исследователи считают трапезитом любого неафинянина, выступающего в роли кредитора при морских займах ²⁷. Однако здесь необходимо учесть, что кредитование морской торговли связано было с очень большим риском. Хотя морские займы давались под залог груза или корабля и афинское законодательство IV в. до н. э. всячески ограждало интересы кредиторов, связанных с морской торговлей, возможности для злоупотреблений со стороны купцов и судовладельцев были очень велики. Как мы видим из торговых речей Демосфена, обман и прямое жульничество были нередким явлением в этой области деловых отношений. Если заем давался для плаванья в оба конца (из Афин и обратно), то кредитор в лучшем случае мог проверить, погружено ли в Афинах на корабль достаточное количество товаров, чтобы гарантировать сумму долга. Но он был бессилен сделать это в порту назначения, где прибывший с афинскими товарами купец должен был распродать их и взамен купить другие. Хорошо, если кредитор был в состоянии отправить на корабле в качестве сопровождающего своего агента или имел своего человека в пункте назначения, но это связано было с дополнительными расходами, далеко не всем доступно и не всегда себя оправдывало ²⁸. Трудно было предотвратить и такую форму обмана, когда купец, заняв деньги под свой груз у одного кредитора, повторял ту же сделку с другим, разумеется, без ведома обоих. В результате сумма долга оказывалась выше, чем цена гарантировавшего долг имущества ²⁹. Иногда товары закупались в меньшем количестве, чем было предусмотрено договором ³⁰.

Малейшая неудача в пути следования, какая-либо авария с кораблем могли использоваться как предлог для освобождения от своих обязательств перед кредитором ³¹.

Известны и такие, по-видимому, редкие все же случаи, когда судовладельцы шли на явное преступление, как было, например, с Гегестратом и Зенофемидом, задумавшими злостно потопить корабль, чтобы под этим

²⁷ Так, Кнорринга (H. Knorringa, *Emporos*, Amsterdam, 1961, стр. 89) на этом основании считает трапезитами Антипатра из Кития (D e m., XXXV, 32) и финикийца Феодора (D e m., XXXIV, 6).

²⁸ Так, у Хризиппа, давшего займы Формиону под залог груза для рейса в Босфор и обратно, был компаньон, находившийся там, и кроме того — доверенный раб (D e m., XXXIV, 8, 28—29). И тем не менее, когда Формион, по его словам, передавал в Понте деньги для уплаты их в Афинах Хризиппу, он не пригласил в свидетели ни того, ни другого (D e m., XXXIV, 41). В другом случае агент кредитора, находившийся на корабле, помешал гибели корабля и, пообещав награду экипажу, добился благополучного прибытия его в гавань (D e m., XXXII, 4—5). Кредиторы, одолжившие деньги Формиону на один рейс (τὰ ἐτεροπλοῦ δανείσαντες), сопровождали его до Босфора и там добились уплаты им долга (D e m., XXXIV, 8).

²⁹ См. D e m., XXXV, 11, 21 — должники нарушили условие соглашения о том, чтобы гарантия займа была свободна от всяких обязательств и заняли у другого деньги под тот же груз. (Ср. D e m., XXXIV, 6—7).

³⁰ Так, Хризипп обвиняет Формиона, что он погрузил на корабль меньше груза, чем следовало, чтобы гарантировать долг (D e m., XXXIV, 40); ср. D e m., XXXV, 19—20, 24—25, 33—34.

³¹ Так, например, братья Лакрита отказались платить по своему обязательству под тем предлогом, что корабль, на котором они перевозили груз, разбился по пути из Пантикапея в Феодосию (D e m., XXXV, 31—32). Кредитор утверждает, что погибший груз не принадлежал им. В другом случае купец Формион пытается отказаться от уплаты долга, заявляя, что корабль, на котором он отплыл из Афин, потерпел крушение на обратном пути. По словам же кредитора, на корабле не было ни самого Формиона, ни его груза (D e m., XXXIV, 2, 10, 11). В третьем случае должник согласен уплатить лишь часть процентов, ссылаясь на то, что из-за поломки корабля не смог вернуться на нем в Афины (D e m., LVI, 12, 26, 35). Если даже претензии кредиторов в этих процессах не всегда обоснованы, то остается в силе сама возможность подобных злоупотреблений и риск, которому подвергались кредиторы. Это отразилось и в законодательстве Афин, запрещавшем давать морские займы из средств сирот (Lys., fr. 265 Sauppe).

предлогом освободиться от своих долговых обязательств (D e m., XXXII, 2—3, 5—7).

Разумеется, что прямой обман со стороны купцов и судовладельцев, бравших взаймы, не был распространен широко. Они нуждались в оборотных средствах, обычно постоянно заходили в те же порты и, уличенные однажды в кознях против кредиторов, могли лишиться кредита на будущее. Кроме того, в Афинах существовали законы, ограждавшие права кредиторов и дававшие им возможность привлечь несостоятельных или недобросовестных должников к суду³². В судебных речах, написанных для такого рода процессов, постоянно подчеркивается, что Афинское государство кровно заинтересовано в защите прав кредиторов, ибо от них зависит процветание торговли и — что было очень важно — продовольственное снабжение Аттики³³.

Однако наряду с произвольными нарушениями обязательств были часты и такие случаи, когда должник оказывался несостоятельным не по своей вине. Действия пиратов или военных противников Афин, кораблекрушения в результате стихийных бедствий также могли привести к невозможности выполнить обязательства перед кредиторами³⁴. Иногда причиной этого была неблагоприятная рыночная ситуация. Так, купец Формион, привезший груз из Афин в Боспор, не смог его там распродать, так как в связи с войной между Перисадом и скифами на рынке не было спроса на его товары (D e m., XXXIV, 8—9; LVI, 25). Это сразу же поставило его в затруднительное положение — надо было рассчитаться с кредиторами, ссудившими ему деньги только до Боспора, и кроме того закупить товары для обратного рейса в Афины.

Даже из этих немногих примеров видно, какому риску подвергались кредиторы, дававшие деньги для морской торговли³⁵. Принимавшиеся ими меры предосторожности — посылка агентов, сопровождавших корабль по пути следования, содержание доверенных людей в портах назначения³⁶, предоставление займов под поручительство третьих лиц и др. — имели, разумеется значение, но не всегда предохраняли от злоупотреблений должников. К тому же такая практика была под силу только очень богатым людям, располагавшим большими средствами и постоянно выступавшим в роли кредитующих морскую торговлю. Важна была осведомленность в делах эмпория, личные связи с людьми делового мира в Афинах и в местах назначения торговых судов, мобильность, энергия,

³² D e m., XXXII, 1; XXXIII, 1, 23; XXXIV, 4, 42—45; LVI, 6, 10; A r i s t., Ath., Pol. 52, 2.

³³ Действительными и подлежащими защите закона считались лишь те торговые соглашения, которые связаны были с закупкой и перевозом товаров для Афин (D e m., XXXII, 1; XXXIV, 50; LII, 20; LVI, 6, 10—11, 48—50).

³⁴ О кораблекрушениях см. D e m., XXXV, 10; XXXV, 31—32. О нападениях пиратов или вражеских государств — D e m., L, 6; LII, 2, 5; LIII, 6. Кроме пиратских и вражеских нападений, торговые суда, шедшие из Афин, должны были опасаться захода в те порты, жители которых могли захватить афинские грузы по праву *σάλας*. В речи против Лакрита (D e m., XXXV, 13) сообщается, что в договоре о морском займе предусмотрена возможность выгрузки товаров и не в пункте назначения, но только не там, где есть право *σάλας* против афинян. Ср. [A r i s t.], Оес. II, 1347b, 24—25; A r i s t., Rhet. I, 1372b, 27. В силу всего этого не только кредитование морской торговли, но и вообще любые перевозки денег считались опасными (I s o c r., XVII, 35; D e m., L, 28).

³⁵ Ср. G. M. Calhoun, Risk in Sea Loans in ancient Athens, JEBH, 2 (1930), стр. 561 слл.; R. Bogaert, Banquiers, courtiers et prêts maritimes à Athènes et à Alexandrie, CdE, 40 (1965), стр. 142; E. Ziebarth, Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland (Hamburgische Universität Abhandlungen, Bd. 30/2), Hamburg, 1920, стр. 100—117; К. М. Колобова, К вопросу о судовладении в древней Греции, ИГАИМК, вып. 61, 1933, стр. 26—29.

³⁶ D e m., XXXII, 4—5; XXXIV, 8, 28—29, 41.

инициативность. Этим не могли профессионально заниматься афиняне, которые стремились активно участвовать в общественной и политической жизни³⁷.

Казалось бы, в такого рода операциях должны были играть большую роль профессиональные денежные дельцы — трапезиты. Так было, по-видимому, с богачом Пасионом, дружественные связи которого в Понте и после смерти отца использовал сын его Аполлодор (Isocr., XVII, 19, 21; Dem., L, 18, 56). Эту традицию продолжал, вероятно, и преемник Пасиона по трапезе Формион, имевший собственные торговые суда (Dem., XLV, 64). Предприимчивость и отличные деловые качества обеспечили этим двум бывшим рабам большие состояния, которые позволили им оказать материальные услуги Афинскому государству и удостоиться за это высшей награды — гражданских прав.

С другой стороны, сравнительно частые случаи банкротства трапезитов или отказа их от этой деятельности косвенно свидетельствуют, что те из них, кто не обладал должными деловыми качествами и связями в местах внешней торговли Афин, могли оказаться жертвами эмпоров, стихийных бедствий на море, пиратских или вражеских нападений.

Следует, однако, заметить, что в так называемых торговых речах Демосфена (XXXII—XXXV, LVI), где говорится о тяжбах, связанных с морскими займами, в роли займодавцев, как правило, выступают афиняне и метеки — не профессиональные трапезиты. Означает ли это, что трапезиты меньшего масштаба, чем Пасион и Формион, вообще исключались из участия в морском кредите³⁸? Против этого крайнего мнения свидетельствует пример с займом византийцу Апатурию под залог корабля и экипажа (Dem., XXXIII, 7). Афинский делец, к которому обратился с просьбой о займе Апатурий, убедил трапезита Гераклида ссудить Апатурию 30 мин, но под свое поручительство. Когда же Гераклид неожиданно обанкротился и началась ликвидация дел трапезы, поручившийся за Апатурия афинянин с трудом взыскал с него эти деньги и внес их, после чего соглашение было расторгнуто (Dem., XXXIII, 10, 12). Формально афинский знакомый Апатурия был поручителем за него перед трапезитом, но фактически при взыскании денег и расчетах он выступает по отношению к Апатурию как кредитор и как должник по отношению к трапезе. Слова *υπομνηστος δ' Ἡρακλείδῃ* свидетельствуют о постоянных связях его с трапезитом, возможно, в аналогичных делах. Если бы не случилась беда с Гераклидом, деньги, взятые из его трапезы, были бы использованы для морской поездки в торговых целях. Возможно, что и другие трапезиты действовали таким же образом.

Если кредитные операции трапезитов лишь в небольшой степени связаны были с морской торговлей, то в каких же других областях кредита могла развернуться их деятельность? Наиболее надежной формой обеспечения

³⁷ В этом плане показателен пример афинянина, участвовавшего в займе Апатурию. По его словам, он долгое время сам плавал по морям, подвергая опасности свою жизнь, затем, скопив немного денег, стал заниматься кредитованием морской торговли (*περὶ φημι ναυτικοῖς ἐργάζεσθαι*). У него много знакомых в афинском эмпории и в Византии (Dem., XXXIII, 4—5).

³⁸ Такую точку зрения недавно выдвинул Богарт (Banquiers, courtiers..., стр. 140—156). Справедливо критикуя распространенное в литературе преувеличение роли трапезитов в морском кредите, автор впадает в другую крайность, пытаясь вообще отрицать какое-либо участие трапезитов в этой области. Он допускает лишь, что трапезиты иногда могли выступать в роли посредников между кредиторами-непрофессионалами и морскими купцами, хотя признает, что таких свидетельств нет. Об ограниченной роли трапезитов в морских займах еще до Богарта писали Болькенштейн (ук. соч., стр. 129) и Кэлгоун (G. M. Calhoun, The Business Life in Ancient Athens, Chicago, 1926, стр. 103).

займов в древней Греции была ипотека. Ее, разумеется, практиковали и трапезиты. Однако их возможности здесь были ограничены, если они не имели гражданских прав или права *ἐγκτῆσις*. Так, Пасион, передавая трапезу Формиону, взял на себя 11 талантов, одолженных трапезой под ипотеки. Формион, еще не имевший тогда гражданских прав, не смог бы в случае несостоятельности должников захватить заложенное имущество, и потому эти 11 талантов были оформлены как долг Пасиона трапезе. По отношению же к действительным должникам Пасион остался по-прежнему кредитором (Dem., XXXVI, 4—6). В этой операции любопытен, помимо всего остального, сам факт перенесения обязательства с одного лица на другое. При наличии такой возможности допустимо предположение, что некоторые трапезиты, не имевшие права *ἐγκτῆσις*, все же одаживали деньги под ипотеку³⁹, используя для этого в качестве подставных лиц своих знакомых афинян⁴⁰. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что из 50 талантов, отданных займы трапезой Пасиона, только 11 были даны под ипотеку. Очевидно, основная масса займов представлялась трапезитами под залог ценных вещей⁴¹, а какая-то часть, возможно и без залога, под поручительство третьих лиц или на основе дружеских связей⁴².

При той ответственности, которую трапезиты несли перед вкладчиками, деньгами которых они оперировали, и большом риске, связанном с займами без обеспечения в недвижимом имуществе, очень большое значение имели, кроме деловых качеств трапезита, его осведомленность в делах эмпория и других областей предпринимательской деятельности, личные связи и репутация⁴³. Поэтому передача трапезы по наследству или в аренду могла привести к успешному продолжению ее деятельности лишь в том случае, если преемниками были люди, сведущие в этой области и знакомые с клиентурой⁴⁴.

Наряду с хранением вкладов и кредитными операциями, важной функцией трапезитов IV в. было участие в различного рода сделках в качестве посредников, свидетелей, поручителей и хранителей документов⁴⁵. По-

³⁹ Нет оснований полагать, что существовал законодательный запрет метекам давать займы под ипотеку. Любопытное свидетельство о займах такого рода сохранилось для Византия [Arist.], Оес. II, 3, 1347a — «Так как некоторые метеки одолжили деньги под залог недвижимого имущества, а права *ἐγκτῆσις* они не имели, было решено, что любой желающий может внести третью часть долга и завладеть этим имуществом». Речь явно идет о несостоятельных должниках, которые лишались заложенного имущества. Но страдают и кредиторы, получающие лишь одну треть следуемой им суммы. Любопытно, что не принято было естественное, казалось бы, решение продать заложенное имущество и удовлетворить кредиторов из вырученных денег.

⁴⁰ Примером фиктивной сделки с недвижимым имуществом в обход юридической неспособности раба может служить надпись II в. до н. э. из Херонен. остроумно истолкованная С. Я. Лурье («Херонейская надпись IG VII 3376»). ЖМНП, Отд. класс. филол., 1913, стр. 514—522).

⁴¹ Примеры такой формы обеспечения займов см. [Dem.], XLIX, 24, 23, 48, 51—52; LIII, 9.

⁴² Такой характер имели займы Пасиона известному деятелю Тимофею, дружбой которого, естественно, весьма дорожил вчерашний раб и вольноотпущенник ([Dem.], XLIX, 3, 17, 23), и его доверенным лицам. Эти займы, правда, записывались в счетные книги, что позволило впоследствии сыну Пасиона возбудить против Тимофея процесс, но явно не имели достаточного обеспечения. Иначе Аполлодор воспользовался бы данным кредитором правом *ἐνεχυράσις* (ср. Dem., XXXIII, 9; XXXVII, 26—27; XLVII, 37, 52—54, 63—65, 67; Aristoph., Eccles. v. 565—567).

⁴³ См. Dem., XXXVI, 44; XLV, 72; Isocr., XVII, 2.

⁴⁴ Не случайно, что дело обычно передавалось вольноотпущенникам трапезитов. См. Dem., XXXVI, 4, 7, 13, 14, 37.

⁴⁵ Поскольку в Афинах этого периода не существовало нотариата, письменный договор (*συγγραφή*), оформлявшийся при заемных (*συμβολαίων*) или других сделках, обычно запечатывался и по обоюдному согласию сторон отдавался на хранение доверенному лицу (Dem., XXXII, 10; XXXIII, 15; XXXIV, 6, 32; XLV, 61; XLVI, 28; LVI, 14—15; Luc., c. Leocr. 23; Hupereid., c. Athen. 9; IG, II/III², 2741).

скольку, судя по судебным речам, искажение, фальсификация или даже уничтожение документов было довольно распространенным явлением в Афинах IV в. до н. э., репутация того лица, которому они отдавались на хранение, значила очень много. Хотя эти письменные документы имели сугубо частный характер и при возникновении споров не обладали силой юридического доказательства, но тем не менее оглашение их содержания у арбитра или в суде усиливало аргументацию, если речь шла о нарушении взятых на себя обязательств.

Важной функцией трапезитов было посредничество в платежах по долговым обязательствам, по судебным приговорам, а иногда — при сделках купли-продажи. В одном случае афинянин, раздобыв причитавшиеся с него по решению суда деньги, поместил их в трапезу и приглашает туда своего противника для расплаты (Dem., XLVII, 51—52, 57, 62, 64). В другом молодой афинянин, собрав у друзей нужную ему для купли трех рабов сумму — 40 мин, тоже поместил ее в трапезу и через нее рассчитался с их владельцем (Hypereid., с. Athen. 4,9). Поводы для платежей здесь разные, но сходство в том, что у обоих плательщиков не было свободных денег ни у себя, ни в трапезе, они каким-то образом раздобыли их и поместили в трапезу специально для расплаты. В первом случае, правда, мы не знаем, где раздобыл должник нужные ему деньги. Возможно, ему оказал помощь тот трапезит, через посредство которого производилась расплата. Во втором случае прямо сказано, что выручили друзья. Для чего же понадобилась эта промежуточная инстанция, если деньги специально для того и добывались, чтобы отдать их третьему лицу? Вряд ли причиной могла быть боязнь даже короткое время держать деньги у себя дома. Скорее всего здесь действовала характерная для всей деловой жизни классической Греции черта — недостаточные гарантии при всякого рода соглашениях, неупроченность формальной стороны деловых отношений. Любое соглашение, заключенное по обоюдному согласию сторон, считалось по закону действительным⁴⁶, т. е. признавалось правомочным, и в случае нарушения обязательств одной из сторон можно было обращаться к арбитру или в суд. Но, как уже было сказано, само соглашение, даже оформленное в письменном виде и хранившееся у доверенного лица, не имело доказательной силы⁴⁷. Гораздо важнее были присутствовавшие при сделке или знавшие о ней свидетели. Отсутствие свидетелей при заключении договора или платеже считалось доказательством того, что сделка не имела в действительности места⁴⁸.

Предоставление займа без свидетелей иногда случалось, как и устные сделки, но и то и другое было исключением из правила⁴⁹. Поскольку от свидетельских показаний часто зависел исход процесса, очень важны

⁴⁶ Hypereid., с. Athen. 13; Dem., XLII, 12; XLVII, 77; XVI, 2; Plat. Conv. 196 с 2.

⁴⁷ Ср. F. Pringsheim, The Greek Law of Sale, Weimar, 1950, стр. 17; Rupprecht, ук. соч., стр. 43—44.

⁴⁸ Dem., XXX, 22; XXXIII, 36; XXXIV, 28—29, 31—32, 46; XXXVII, 16; XLV, 44, 60—61; XLVII, 64; XLVII, 64; XLIX, 2, 18, 42, 65; LII, 10. Разумеется, в свидетелях заинтересована была та сторона, которую платеж освобождал от обязательства. Так, Теофраст (Char. XIV, 8) высмеивает человека, который привлекает свидетелей, даже когда получает следуемые ему деньги. В этом случае свидетелей, естественно, должен был привлекать не тот, кто получал деньги, а тот, кто уплачивал сумму долга. О роли свидетельских показаний в Греции классического периода см. Pringsheim, ук. соч., стр. 25 сл.; L. Gernet, Droit et société dans la Grèce ancienne, P., 1955, стр. 213.

⁴⁹ См., например, Aristoph., Eccles., v. 445 сл. То, что женщины дают друг другу в долг и без свидетелей и не пользуются этим для обмана, рассматривается как доказательство их высоких нравственных качеств. Мужчины же, по словам поэта, пытаются отпереться от своих обязательств, даже когда имеются свидетели.

были нравственные качества свидетелей, их честность и добросовестность. Между тем, как мы знаем из судебных речей IV в., именно здесь были многочисленные злоупотребления⁵⁰. В условиях Афин IV в. до н. э. легко можно было найти людей, готовых за деньги дать ложные свидетельские показания. К тому же у влиятельных лиц всегда было достаточное количество друзей, а иногда и зависимых от них людей, которые могли быть использованы в этих целях. В качестве свидетелей против одной из сторон могли выступать и люди, бывшие по какой-либо причине во враждебных отношениях с соответствующим лицом и заинтересованные в нанесении ему ущерба.

Поэтому привлечение трапезитов, которые по самому характеру своей деятельности обязаны были соблюдать объективность и дорожить своей репутацией в деловом мире, в качестве свидетелей и посредников при платежах должно было служить гарантией против попытки получателя отрицать впоследствии факт платежа и привлекать лжесвидетелей⁵¹.

Особенно это было важно при окончательной расплате, сопровождавшейся формальным освобождением плательщика от обязательства (*ἄφεσις, ἀπαλλαγή*), что по афинским законам лишало права другую сторону предъявлять впоследствии какие-либо претензии.

Таким образом, круг деятельности афинских трапезитов был очень широк. Трапезы играли роль деловых центров, контор, где совершались и, возможно, обсуждались различные сделки⁵², где можно было получить деловые советы и столь важные при денежных операциях сведения о кредитоспособности, деловых и моральных качествах своих контрагентов⁵³.

Личные отношения, как и личные показания, играли огромную роль в деловых отношениях древней Греции, где документы обладали меньшей доказательной силой, чем живое слово. В этой характерной для греческого мира деловых отношений черте сказывалась примитивность экономической жизни доэллинистической Греции.

Этими особенностями и объясняется большая роль доверенных рабов в трапезах и необычные для рабовладельческой Греции отношения, которые складывались между этими рабами и их хозяевами, что, как уже говорилось выше, нередко завершалось передачей отпускаемому на свободу рабу предприятия, а иногда даже введением его в семью бывшего хозяина. Большая роль доверенных рабов в трапезах и тесные связи их с хозяевами объясняются и тем, что деятельность трапез требовала тщательного учета и налаженного делопроизводства. Квалифицированный раб, поступивший к своему хозяину уже с какими-либо навыками или получивший

⁵⁰ Об этом свидетельствуют процессы по обвинению в лжесвидетельстве (*δίκη ψευδομαρτυρίων*), например, D e m., XLV, XLVI, XLVII.

⁵¹ Мнение Хазебрека (ук. соч., стр. 116 слл.), что причиной платежей через трапезу (*διὰ τῆς τραπέζης*) была проверка качества денег и гарантия платежа полноценной монетой (*gleichbedeutend ... mit der Zahlung in vollwertigem Gelde*), не подтверждается свидетельствами источников, во всяком случае для Афин IV в. до н. э. Во-первых, у нас нет ни одного случая жалобы на уплату долга недоброкачественными деньгами. Во-вторых, если бы это лежало в основе обращения к трапезе, то инициатором выступал бы не плательщик, а получатель денег. В известных же нам примерах афинской практики IV в. до н. э. инициатива принадлежит плательщику.

⁵² Сами трапезы или, во всяком случае, их конторы помещались на Агоре и в Пирее — деловых центрах Афин (D e m., XLIX, 6; P l a t o, Apol. Socr. I, 17 c; P o l y a e n., VI, 2, 2).

⁵³ Так, афинянин Анатурий горько сетует на то, что плохо знал двух фазелитов — Артемона и Аполлодора, которым ссудил морской заем (D e m., XXXV, 6—7). Характерно, что и при обращении к трапезиту новичка обычно представлял кто-либо из знакомых ему людей (I s o c r., XVII, 4).

их во время работы в трапезе⁵⁴, если он обладал нужными деловыми качествами, становился чрезвычайно важной фигурой во всем деле. Он не только вел учет поступлений и выдач из кассы, следил за сроками платежей, принимал клиентов, но был непременным участником и свидетелем тех сделок, которые заключались в трапезе⁵⁵. В случае возникновения спора он иногда являлся единственным лицом, которое могло дать достоверные показания⁵⁵⁻⁵⁶. От его верности и преданности интересам хозяина зависело очень многое. Когда у Пасиона произошел конфликт с сыном Сопея, он, если верить последнему, вначале спрятал своего раба Китта, который мог дать свидетельские показания, потом, когда Китта обнаружили, поручился за него перед полемархом под гарантию в огромную сумму — 7 талантов. Он не позволил пытать Китта (Isocr., XVII, 15—17). Противник Пасиона объясняет это тем, что Пасион боялся разоблачений Китта, который был в курсе запутанной и сложной сделки. Такого рода претензии по поводу нежелания выдать раба для допроса под пыткой являются общим местом в судебной практике Афин IV в. до н. э.⁵⁷ Однако поведение Пасиона в этой истории может быть объяснено не только тем, что Китт слишком много знал и речь шла, по-видимому, об очень большой сумме денег, но и ролью, которую Китт играл в деятельности трапезы. Характерно, что тому же Китту Пасион доверил ответственнейшее поручение — представлять его интересы в споре перед боспорским царем Сатиром (Isocr., XVII, 51). Очевидно, Китт блестяще справился с этой задачей, так как Сатир отказался вынести какое бы то ни было решение и ограничился — да и то, если верить заинтересованному лицу — сыну Сопея, — просьбой к навклерам помочь в Афинах обиженному.

Верность и преданность доверенных рабов, которые были правой рукой трапезита, в конце концов вознаграждались их освобождением⁵⁸. Как это происходило и оформлялось, мы не знаем. Чтобы заинтересовать раба, трапезит, по-видимому, давал ему возможность скопить какую-то сумму денег, позволяя некоторые самостоятельные или полусамостоятельные операции. В этих случаях рабы трапезитов, возможно, уподоблялись тем торговым агентам-рабам, которым хозяева настолько доверяли, что посылали их с поручениями за море⁵⁹. Во всяком случае тот факт, что вольноотпущенники трапезитов, даже если не становились арендаторами или преемниками своих бывших хозяев, оказывались в состоянии сами открыть трапезы, свидетельствует, что они обладали известной суммой

⁵⁴ Так, по словам Аноллодора, Формион, купленный Пасионом на рынке, по-видимому, еще молодым, научился делу трапезита у своего хозяина (Dem., XLV, 71—72).

⁵⁵⁻⁵⁶ В связи с особым характером деятельности трапез сделки с трапезитом иногда оформлялись без свидетелей (Isocr., XVII, 2). Однако в любом случае при этом присутствовал раб, ведавший делопроизводством, а иногда и кассой. Такую роль играл в трапезе Пасиона вначале Китт, который был единственным свидетелем его сделки с сыном Сопея (Isocr., XVII, 11—12, 27), а позднее — Формион.

⁵⁷ Dem., XXX, 37; XXXVII, 40—43; XLV, 62; LIX, 125; Isaee., VIII, 12; Lys., IV, 12; VII, 34—36; Lys., c. Leocr., 34; Isocr., XVII, 54. Ср. E. Grase (Kazakevich), «Word» and «Deed» in the Athenian Dikasterion, в сб. «Античное общество. Труды Конференции по изучению проблем античности», М., 1967, стр. 96—105.

⁵⁸ Диллер (A. Diller, Race Mixture among the Greeks before Alexander, «Illinois Studies in Language and Literature», XX, 1—2, Urbana, 1937, стр. 106—107) высказывает предположение, что рабы трапезитов по существу были не рабами, а подмастерьями своих хозяев (it was in reality an apprenticeship), и их рабское состояние, возможно, симулировалось (simulated as a ruse) ради некоторых технических преимуществ. Непонятно, чем руководствовался автор, во всяком случае он ничем не обосновывает свое суждение.

⁵⁹ См. Э. Л. Казакевич, О рабах-агентах в Афинах, ВДИ. 1961, № 3, стр. 17—20.

денег, необходимой для начала операций. Разумеется, большую роль играли приобретенные ими за время работы в трапезе знакомства и деловые связи, но без своего первоначального капитала (*ἄφορμή*) начинать дела было нельзя.

Судя по сохранившемуся фрагменту речи Исея в защиту Евмафа, трапезита из вольноотпущенников⁶⁰, эта категория была столь же не застрахована от попыток посягательств на их свободу, как и другие бывшие рабы. Вряд ли для рабов трапезитов существовала какая-либо особая форма освобождения. Однако обращает на себя внимание, что трижды, когда речь идет об освобождении доверенных рабов трапезитов, словоупотребление несколько отличается от обычного в таком контексте. Освобождение раба обычно обозначалось формулой *ἀφίημι εἰς ἐλευθερίαν*, а вольноотпущенник соответственно — *ἀφθεῖς εἰς ἐλευθερίαν*. Так же обычно обозначается и освобождение рабов, принадлежавших трапезитам⁶¹. Но трижды, и как раз когда речь идет о дельцах такого масштаба, как Пасион и Формион, их освобождение передается соответствующей формой глагола *ἀπαλλάττω* — *ἀπηλλάγη*⁶², что является обычным обозначением при освобождении от обязательств по каким-либо торговым, денежным делам, любым имущественным или иным спорам⁶³. Такое освобождение от обязательств по афинским законам предохраняло получившего *ἀπαλλάγη* от опасности возобновления претензий другой стороной (Dem., XLVII, 1, 19). А ведь это было чрезвычайно важно для вольноотпущенника при существовавшей в Афинах практике. Возможно, что в данных конкретных случаях освобождения рабов, которые были уже сложившимися дельцами, оказавшими большие услуги своим хозяевам, освобождение оформлялось особым образом в виде письменного соглашения в присутствии свидетелей, причем господин объявлял не только об освобождении раба, но и заявлял, что не имеет к нему никаких претензий в будущем. Если это так, то здесь мы видим как бы попытку упрочить статус вольноотпущенника в рамках существовавшей в Афинах деловой практики. В этом случае раб в момент освобождения выступает не только как пассивный объект процедуры, но в некотором роде и как субъект, как один из участников соглашения.

Большой удельный вес вольноотпущенников среди трапезитов-неграждан объясняется еще и тем, что приехавший в Афины извне человек, даже располагавший средствами, вряд ли мог рассчитывать на значительную клиентуру, если откроет трапезу. При том решающем значении, которое имели в деловых отношениях личные связи и завоеванная в общении репутация, лишь тот метек мог рассчитывать на успех в этом трудном и хлопотливом деле, который уже успел пустить в Афинах глубокие корни. Необходимыми для трапезита связями и обладали бывшие доверенные рабы трапезитов, получившие свободу после длительного занятия этим делом.

Поскольку трапезиты имели дело с деньгами и денежными операциями, их обычно считают очень богатыми людьми, как бы денежными тузами древнего мира. Эти представления, прямо или косвенно навеянные аналогией с банкирами более позднего времени, не имеют достаточного обоснования в источниках IV в. Из всех известных нам трапезитов этого времени самым богатым был Пасион. Если верить его сыну Аполлodore, который был явно заинтересован в преувеличениях, имущество Пасиона к

⁶⁰ Евмафа пытался поработить некто Дионисий, наследник его бывшего господина Эпигена, но выручил Евмафа вступившийся за него богатый афинянин Ксенокл (Isae., fr. VIII Roussel).

⁶¹ Isocr., XVII, 14; Dem., XXXVI, 14.

⁶² Dem., XXXVI, 28, 48; ἀπηλλάγη Φορμιών... Πασιών ἢν τινῶν, εἰς ἀπηλλάγη τὸν αὐτὸν τρόπον ὑπερ ὅπως ἀφ' ὑμῶν.

⁶³ Dem., XXXIII, 12; XXXIV, 31; XXXVI, 23—24; XXXVII, 1, 17, 19; XXXVIII, 1, 5; Diog. L., 5, 63.

концу его жизни слагалось из земельных владений, оцененных в 20 талантов, эргастерия, изготовлявшего щиты, и более 50 талантов, отданных займы, в том числе 11 талантов из чужих вкладов, одолженных под ипотеки (Dem., XXXVI, 5). На этом основании некоторые исследователи заключили, что остальные 39 талантов из 50 были личным достоянием самого Пасиона⁶⁴, и далее, что трапезиты все же боялись рисковать чужими вкладами и одалживали их только под обеспечение недвижимости⁶⁵. Оба эти утверждения лишены достаточного обоснования. Во-первых, трапезиты, в подавляющем большинстве не имевшие гражданских прав, не могли рассчитывать на займы под ипотеку. Распоряжение же вкладами было непременной составной частью их деятельности. Во-вторых, из контекста нельзя заключить, что только 11 талантов из 50 в трапезе Пасиона составляли вклады. Вначале сказано, что у Пасиона было своих (?) денег в займах (*ἀρχύριον... δέδαναισμένον ἰδίου*) более 50 талантов; далее, что среди этих денег (*ἐν οὖν τοῖς πεντήκοντα ταλάντοις τούτοις*) было 11 талантов вкладов, отданных под проценты (*ἀπὸ τῶν παρακαταθήκων τῆς τραπέζης ἑνδεκα τάλαντα ἐνεργά ἦν*)⁶⁶. Из последующего мы узнаем, что речь шла о займах под ипотеку (*ὅσα Πάσιων ἐπὶ γῆι καὶ συνοικίαις δέδανεν ἦν*). Аполлодору нужно было доказать суду, что Пасион в действительности не должен был Формиону 11 талантов, ибо речь шла о фиктивной сделке. Об остальных вкладах, лежавших в трапезе или отданных займы под иное обеспечение, Аполлодору в данном контексте незачем было говорить.

Употребленное выше выражение *ἀρχύριον... ἰδίου* в ином контексте можно было бы понять как «свои собственные деньги». Однако поскольку дальше прямо сказано, что уже во всяком случае 11 талантов из 50 не принадлежали Пасиону, *ἰδίου* логически следует связать не с *ἀρχύριον*, а с *δέδαναισμένον* — Пасион давал займы от себя, от своего имени, со своей стороны⁶⁷. Когда позднее, уже после смерти отца, Аполлодор взыскал следуемые лично Пасиону деньги, то речь уже идет только о 20 талантах (Dem., XXXVI, 36). По-видимому, из 50 талантов, отданных займы трапезой Пасиона (из них 11 талантов под ипотеку), 30 талантов составляли средства вкладчиков, а только 20 талантов принадлежали лично трапезиту. Сведения о состоянии Пасиона, основанные на не всегда ясных, а порой и противоречивых свидетельствах судебных речей, не позволяют определить с уверенностью подлинные его размеры. Оценки колеблются от 30 до 50 талантов⁶⁸.

⁶⁴ H a s e b r o e k, ук. соч., стр. 171 сл. Состояние Пасиона в литературе оценивается по-разному. Так, Диллер (ук. соч., стр. 105), не утруждая себя расчетами, говорит о состоянии более чем в 70 талантов, Хазебрек (ук. соч., стр. 172)—40 талантов; по мнению Богарта (Banques..., стр. 364—365), Пасион распоряжался суммой в 80 талантов, из которых половина принадлежала ему самому.

⁶⁵ Хазебрек (ук. соч., стр. 161) полагает, что займы под ипотеку трапезиты давали только при долгосрочных обязательствах. Он не учитывает, что главное — не в сроках займа, а в том, имел ли трапезит эту возможность.

⁶⁶ *ἐνεργά*, разумеется, может означать не только деньги, отданные под проценты, но и вообще приносящие каким-либо образом доход, например, вложенные в торговое или ремесленное предприятие. См., например, D e m., XXVII, 7, 10; X e n., Hieron. II, 4. В связи с *δάνειον* — D e m., LVI, 29.

⁶⁷ Cp. R. D a r e s t e, Les plaidoyers civils de Démosthène, II, P., 1875, стр. 147.

⁶⁸ В речи против Аполлодора (D e m., XXXVI, 38) говорится, что тот растратил огромное наследство (включая доходы от сданной в аренду трапезы и взысканные долги), более 40 талантов (*πλέον ἢ τετταράκοντα τάλαντα εἰληφώς φανήσεται*). Если бы это соответствовало действительности, то состояние Пасиона составляло бы значительно большую сумму, так как сюда не включена доля, полученная младшим сыном Пасиона Пасиклом. Однако следует учесть, что в расчеты включены доходы за много лет, прошедших после смерти Пасиона, а также, что говоривший был заинтересован в преувеличении, ибо стремился показать расточительность Аполлодора, его неумение использовать унаследованные деньги.

Но как бы ни оценивать состояние Пасиона, оно отнюдь не характерно для афинских трапезитов IV в. до н. э. Пожалуй, только одного Формиона можно в какой-то степени сопоставлять с его бывшим господином. Остальные трапезиты, спорадически упоминаемые в источниках, вряд ли были особо богатыми людьми. Невозможность приобретать наиболее прочный вид доходного имущества — землю и дома, рискованный характер заемных операций, не связанных с ипотекой, — все это ставило трапезитов порой в довольно трудное положение. Выше уже упоминались случаи банкротства трапезитов, иногда дело хиреет при их наследниках, которые оказываются даже в нужде (Dem., XXXVI, 45).

Кроме займов, трапезиты могли вкладывать деньги в ремесленные или торговые предприятия. Здесь мы опять ограничены сведениями о Пасионе и Формионе. У первого кроме трапезы была мастерская щитов (Dem., XXXVI, 4), у второго — свои суда, очевидно, для торговых экспедиций, осуществлявшихся им самим или через своих агентов (Dem., XLV, 64; XLIX, 31). Но все же основным источником доходов трапезитов были процентные займы.

Чрезвычайно важен не только для деятельности трапезитов, но и для всей системы кредитных отношений древней Аттики вопрос о том, на что расходовались занимаемые как у трапезитов, так и у частных лиц⁶⁹ деньги. Шли ли занятые деньги на удовлетворение насущных потребностей, т. е. на потребительские цели, или они вкладывались в торговые и ремесленные предприятия? При том минимальном количестве данных о целевом назначении займов, которым мы располагаем, нельзя с бесспорной уверенностью ни подтвердить, ни опровергнуть широко распространенное, даже, можно сказать, господствующее в литературе мнение о непроизводительном характере займов в Афинах этого периода⁷⁰. Никто, разумеется, не опровергает тесной связи кредита с морской торговлей, но, за исключением этой области, принято думать, что к займам обращались главным образом по таким поводам, как привлечение к дорогостоящей литургии, расходы по стратегии, выкуп из плена, прием гостей, замужество дочери, похороны и т. п. Дело в том, что источники IV в., которые буквально перестряют упоминаниями о займах, очень редко раскрывают их целевое назначение. Это делается лишь в судебных речах и то в той мере, в какой это требуется в ходе аргументации. Естественно, что лучше всего мы осведомлены о займах для морской торговли, где нередко возникали поводы для судебной тяжбы. Займы под ипотеки и ценные вещи, естественно, реже приводили к обращению в суд, так как кредитор имел возможность удовлетворить свои претензии своими средствами. Исследователи данных о займах под заклад недвижимого имущества, так называемых *hōroi*, пришли к выводу, что эти займы не предназначались для производственных целей⁷¹. Что касается других данных, то, если исключить морские займы, боль-

⁶⁹ Наряду с дружескими беспроцентными займами индивидуальных или коллективных кредиторов (Aristoph., Plut. 239—240; Isaac, V, 40; VI, 33; Xen., Mem. II, 6, 2; Dem., XLVIII, 44; LII, 24; LIII, 17, 9; Lys., XIX, 59; Arist., Eth. Nicom. 1159 b 25), в Аттике IV в. до н. э. широко были распространены процентные ссуды как один из постоянных источников дохода состоятельных афинян (Aesch., I, 97, 100; Lys., XVII, 2; Isaac, VIII, 35; XI, 42; Dem., XXVII, 10; XXXVIII, 7, 11—12). О распространении заемных сделок свидетельствуют и данные о долговых обязательствах афинян (Dem., XXVII, 54; [Dem.], XLII, 28; XLVII, 75; Lys., c. Leocr. 17).

⁷⁰ Bolkestein, ук. соч., стр. 65, 132; A. Andreades, Geschichte der griechischen Staatswirtschaft, I, Münch., 1931, стр. 350, прим. 6; Heichelheim, ук. соч., стр. 357; Cl. Mossé, La fin de la démocratie Athénienne, P., 1962, стр. 46; Bogert, Banques..., стр. 356 сл.

⁷¹ Finley, Land and Credit..., стр. 81, 272—273; он же, PSQ, LXVIII (1953), 2, стр. 252—256.

шинство свидетельств говорит о займах, не связанных с деловыми операциями⁷². Упоминания о тратах на литургии, помощь родным и друзьям входили в интересы выступавших в суде афинян, ибо это было верным средством возбудить к себе симпатию аудитории. В подавляющем же большинстве случаев займы упоминаются без раскрытия их целевого назначения. В то же время наличие долговых обязательств или, напротив, денег, отданных взаймы, было столь обычным явлением, что о займах постоянно говорится в источниках, приводящих и конкретные факты, и общие суждения на эту тему⁷³. В таком своеобразном литературном произведении, как «Характеры» Феофраста, автор, изображая характерные, по его мнению, черты тридцати типов людей (льстец, скряга, брюзга, притворщик, хвастун, бесстыжий и др.), приводит примеры их поведения в повседневной жизни. Почти на каждом шагу упоминаются отношения, связанные с долговыми сделками⁷⁴. Ни один серьезный источник, пожалуй, не подтверждает в большей мере степени распространения займов, чем эти шуточные упражнения ученика и преемника Аристотеля. Если учесть к тому же, что кроме трапез и частных лиц процентные займы давали общественные организации, демы, филы, святилища, культовые общины⁷⁵, то область кредитно-денежных отношений представляется еще более широкой.

Такой диапазон заставляет серьезно усомниться в том, что основным назначением займов в Аттике IV в. до н. э., кроме морской торговли, были литургии и другие повинности, возлагавшиеся государством, помощь друзьям или срочные личные нужды. Морские займы были, разумеется, распространены, но они в основном заключались среди узкого круга людей эмпория, связанных с морской торговлей и компетентных в этом запутанном деле.

Литургии, особенно дорогостоящая триерархия, иногда заставлявшая привлекаемых к ней афинян обращаться к займам, в конце концов касались сравнительно небольшого числа людей. Сетования расточительного сына Пасиона по поводу огромных расходов по триерархии (Dem., L), по его собственным словам, связаны с тем, что он старался оснастить свою триеру лучше, чем другие, набрал дорогостоящий экипаж и платил все время своим гребцам и матросам больше других триерархов⁷⁶. Его задержка

⁷² Таковы займы известного стратега Тимофея у Пасиона (на военные расходы прием знатных гостей — [Dem.], XLIX, 6, 8, 11—12, 14—17, 22, 31, 33, 48—51, 55, 62), сына Пасиона Аполлодора (на расходы в связи с триерархией — Dem., L, 7, 13, 17, 28, 44, 56; для выкупа попавшего в плен друга — Dem., LIII, 9, 13), Аристофана (для военной помощи киприотам — Lys., XIX, 21), Дема (для триерархии — Lys., XIX, 25), Мантифея (для похорон отца — Dem., XL, 52), Аполлодора (для выкупа из плена — Isae., VII, 8), Демосфена (для триерархии — Dem., XXVIII, 17) и др.

⁷³ См., например, Aesch., I, 100, 107; Lys., XVII, 2; XXXII, 6, 15; Ath. XIII 611 e—f; Dem., XXVII, 9, 54; XXVIII, 18; XXIX, 37; XXXVI, 5—6, 20—21; XXXVIII, 7, 10—12, 14; [Dem.], XLII, 4, 28; XLVII, 75; XLVIII, 44—45; LIII, 20; Isae., V, 40; VIII, 35; XI, 42—43; Lys., c. Leocr. 17; [Arist.], Oec. II, 1, 6 1346a; Arist., Polit. I, 8, 1256a; Isocr., I, 28; VII, 33—35; Xen., Vect. IV, 6; Ages. IV, 1—4; Mem. II, 6, 2; 7, 2; 8, 1; Aristoph., Plut. v. 235 слл.; Eccles. v. 446—451, 660; Menandr., Dyscol. 469 слл.; Theophr., Char. passim; Plato, Leges, 742 c.

⁷⁴ Theophr., Char. I, 5; VI, 9; IX, 1, 2; X, 11; XI, 11; XIV, 8; XVII, 9; XVIII, 5; XXI, 5; XXIII, 2; XXX, 3, 7, 13.

⁷⁵ Cp. B. Haussoulier. La vie municipale en Attique, P., 1884, стр. 75; Finley, Land and Credit..., стр. 76, 92 слл., 284 сл.; Vogt, Banques..., стр. 92 слл., 294.

⁷⁶ Аполлодор объясняет свое стремление сделать гораздо больше, чем требовалось от него государством, признательностью за дарованные его семье гражданские права (Dem., XLV, 77—78). И хотя это говорится с целью снискать благоволение судей, приведенные в речи против Поликла (Dem., L, 7—13) конкретные факты подтверждают, что траты Аполлодора были несоизмеримо велики и вызвали раздражение и нарекания со стороны его преемника по триерархии Поликла (Dem., L, 26, 34—35).

на целых семь месяцев после истечения срока триерархии тоже связана с чрезвычайными обстоятельствами. Таким образом, бедственное положение триерарха, обрисованное в речи против Поликла, не может считаться типичным. Молодой Демосфен, который тоже вынужден был занять деньги для триерархии, заложив свое имущество, объясняет это тем, что бывшие опекуны, желая избавиться от возбужденного против них процесса, подстроили ему дело об обмене имуществом (*ἀντίδοσις*), а он вынужден был взять на себя внеурочную литургию, чтобы сохранить право на иск (Dem., XXVIII, 17).

Еще менее типична история с многочисленными займами Тимофея, сына Конона. О его материальных делах мы хорошо осведомлены благодаря процессу, возбужденному против него сыном Пасиона Аполлодором (I D e m., XLIX). Тимофей — не рядовой стратег, а выдающийся политический деятель и полководец, пытавшийся проводить определенную линию во внешней политике Афин. Его колоссальные траты из личных средств на военные нужды связаны и с тяжелым положением государственной казны, и с напряженной политической обстановкой, которая характерна для Афин того периода. Займы Тимофея, разумеется, показывают, как нелегко приходилось афинским стратегам, но объем его расходов не показателен даже для этой небольшой категории афинян. Ни займы стратегов, ни займы триерархов не могли создать того широкого круга людей, которые были втянуты в заемные сделки. В такой же мере это можно сказать о займах для помощи друзьям или выкупа из плена.

Процентные займы не могли бы стать источником доходов для многочисленных профессиональных и непрофессиональных заимодавцев, если бы не связаны были с производственными нуждами. О том, что в Афинах IV в. до н. э. имелся большой круг людей, вовлеченных именно в такого рода сделки, свидетельствует запутанная история с займами Пантэнета. За короткое время Пантэнет совершил ряд денежных операций: купил у Телемаха эргастерий по обработке руды с 30 рабами, заняв для этого у Мнесикла, Филея и Плейстора необходимую сумму в 105 мин; когда кредиторы потребовали у него деньги, он занял вновь 105 мин, на этот раз у Никобула и Эверга; вступив в конфликт с этими и другими бывшими у него кредиторами, Пантэнет добыл у новых лиц 105 мин и рассчитался с Эвергом и Никобулом⁷⁷. В конце концов эргастерий с рабами, под залог которых все время оформлялись займы, был продан за сумму значительно большую, чем 105 мин, и Пантэнет смог удовлетворить всех своих кредиторов⁷⁸.

История с займами Пантэнета известна нам лишь потому, что она привела к конфликту с двумя его кредиторами, и по счастливой случайности сохранилась речь одного из них. Нас сейчас интересуют не детали сложных и запутанных взаимоотношений между Пантэнетом и его кредиторами, а картина быстрой смены контрагентов в денежной сделке, известной из этого дела. Пантэнет без труда находит людей, дающих ему процентные займы, гарантированные эргастерием. Он, по-видимому, был активным рудничным предпринимателем, так как кроме упоминавшегося эргастерия арендовал у государства разработку, за которую платил 90 мин (Dem.,

⁷⁷ Dem., XXXVII, 4—5, 12—16, 29—30.

⁷⁸ Dem., XXXVII, 31. Сумма, вырученная Пантэнетом, составила три таланта две тысячи шестьсот драхм (=206 мин). До этого он держал в аренде эргастерий, формально принадлежавший фиктивно «купившим» его за 105 мин кредиторам (сделка *prasis epi lysei*). Характерно, что арендная плата — завуалированная форма процентов — исчислялась не с действительной цены эргастерия, а с суммы долга. По-видимому, это было обычной формой взимания процентов при займе под доходное предприятие, которое оставалось в руках должника.

XXXVII, 22). Кроме того, у Пантэнета имелось и земельное владение (Dem., XXXVII, 45), но оно, по-видимому, не играло большой роли в его доходах.

Известен еще один случай займа, связанного с предпринимательской деятельностью в рудниках⁷⁹. Однако обращение к займам не ограничивается областью рудников⁸⁰. Большая сумма долгов (свыше пяти талантов) раба Мидаса, ведавшего парфюмерным предприятием, явно была связана с его деловыми интересами (Hypereid., с. Athen. 9). Ученик и последователь Сократа Эсхин обращается к займам, чтобы открыть парфюмерное предприятие (Lys., fr. 1 = Athen., XIII 611e—f), афинянин Аристарх — чтобы организовать обработку шерсти для продажи (Xen., Mem. II, 7, 11—12).

Ключевое значение, как мне представляется, для выяснения вопроса о назначении займов имеет свидетельство Аристотеля (Ath. Pol. 52,2). Говоря о судебных процессах, которые должны быть рассмотрены в течение месяца со дня поступления иска (δίκαι ἐμνήσθαι), Аристотель называет в их числе и дела о долгах, раскрывая их следующим образом: «...если должник не возвратит долга, если кто-либо, заняв деньги под процент в драхму (12%), не уплатит (процентов); если кто-либо, желая открыть предприятие на агоре, займет деньги на обзаведение... еще — иски по егапоі — займам... по делам, связанным с трапезитами». Назвав различные случаи, когда может возникнуть тяжба в связи с долговыми обязательствами, Аристотель специально выделяет заем для обзаведения предприятием на агоре. Употребленное им слово ἄφορμή как раз обозначает первоначальный капитал, который вкладывается в предприятие для развертывания его деятельности. Остальные поводы для займов у Аристотеля не раскрыты. Не является ли это свидетельством распространенности и значимости именно этого вида заемных сделок?

Разумеется, утверждение о гораздо более широком распространении займов на производственные цели, чем принято думать, не должно вести к модернизации представлений о связи кредита с производством в Аттике IV в. до н. э. Займы — и это отчетливо показывает приведенное свидетельство Аристотеля — большей частью шли на организацию предприятия, на обзаведение, а не на расширение уже существующего дела.

Это суждение о характере займов в Аттике IV в. до н. э. распространяется и на процентные ссуды, выдававшиеся афинскими трапезитами. Более того, поскольку трапезиты, как правило, не имели возможности одалживать под ипотеку, они меньше всего связаны были с займами для исполнения литургий. Богатые афиняне, привлекавшиеся к дорогостоящим литургиям, располагали, как правило, земельными владениями и в случае надобности брали деньги под залог недвижимости⁸¹.

Однако наряду с этим существовали многочисленные заемные сделки под залог движимого имущества — эргастериев с рабами-ремесленниками, одичавших рабов, ценных вещей, слитков металла и т. д. В их числе были и займы на обзаведение каким-либо предприятием или, как в случае с Пантэнетом, на текущие расходы в связи с предпринимательской деятельностью. Здесь, как и в морских займах, в роли кредиторов могли выступать люди, не имевшие гражданских прав. Как уже было сказано, в кредитовании морской торговли афинские трапезиты активно не участвовали.

⁷⁹ Dem., XL, 52 — афинянин Мантій вместе с сыном занимают у трапезита Бленея 20 мин для «покупки» рудника.

⁸⁰ Так, Хейхельгейм (Heichelheim, ук. соч., стр. 357) пишет, что сведения о производительных займах имеются только для рудников.

⁸¹ Анализируя аттические νόμοι, Финли (Land and Credit..., стр. 79—87, 266—274), пришел к выводу, что афиняне, гарантировавшие свои денежные обязательства ипотекой, принадлежали к состоятельным слоям населения.

Но займы на торговые и производственные цели в самой Аттике должны были занимать большое место в их деятельности. При нужде в деньгах для какой-либо насущной потребности потребительского характера существовали родственники, друзья, знакомые, наконец, — займы — *eganoi*⁸². Мир должников, обращавшихся к траπεζитам непосредственно или через поручителей, — это мир людей, связанных с деятельностью эмпория, рудничного района и агоры.

Но при всем значении траπεζитов в денежных отношениях Аттики IV в. они не были ни единственными, ни даже главными представителями денежного капитала⁸³. Существование наряду с траπεζитами множества людей, вкладывавших свои средства в процентные ссуды, и отношение к этому, как к обычному и распространенному источнику получения доходов, свидетельствует, что в это время уровень развития кредита был еще недостаточно высоким и он не выделился и не обособился в исключительную сферу занятий.

Рассматривая заемные операции в Аттике IV в. до н. э. даже не в полном их объеме, а в той части, которая связана или могла быть связана с деятельностью траπεζитов, естественно поставить вопрос, не говорят ли они о массовом разорении афинской бедноты, обремененной непосильными долгами. В связи с займами под ипотеку это было подробно рассмотрено в работах Финли, который пришел к выводу, что займы под заклад земли или домов не были результатом разорения аттических землевладельцев и не приводили к их обезземеливанию и обнищанию⁸⁴. Данные надписей закладных камней — *horoí* — обосновывают этот вывод. Но следует учесть, что *horoí* дают далеко не полную картину связанных с ипотекой взаимоотношений. Они дошли в не столь уже большом количестве; установка *horoí* не была обязательной, и именно бедняки, закладывавшие за долги свои участки, могли не устанавливать на них закладных камней⁸⁵.

Поскольку деятельность траπεζитов мало была связана с займами под ипотеку, я не рассматриваю здесь специально этого вопроса. Но связь заемных сделок с разорением должников могла проявляться и в ссудных операциях без заклада недвижимости. Упоминания о разорении из-за долгов встречаются в источниках, причем и в конкретной форме⁸⁶ и в виде рассуждений общего характера⁸⁷. Однако весь материал о заемных сделках в целом не создает впечатления, что они приводили к массовому разорению должников. Обеднение и даже обнищание какой-то части афинского демоса в течение IV в. — безусловный факт, подтверждаемый многочисленными прямыми и косвенными свидетельствами источников⁸⁸, но в основе этого лежали не ростовщические операции, а причины иного порядка⁸⁹. Лозунги отмены долгов и передела земли, столь популярные в Греции IV в., не

⁸² Характерно, что сын Сонея считает нужным оправдываться за то, что не выручил друга, нуждавшегося в деньгах, и тот вынужден был обратиться к займу у другого лица (*Iso cr.*, XVII, 38). Ср. [*Arist.*], *Problem.* 29.2, 950a, 31—32: где есть заем, там нет друга; друг не одалживает, а дает.

⁸³ Вопрос о месте траπεζ в общей системе кредита подробно рассматривается Богартом (*Banques...*, стр. 374 слл.).

⁸⁴ *Finley*, *Land and Credit...*, стр. 63, 87, 270, 274; он же, *PSQ*, LXVIII (1953), 2, стр. 251—256.

⁸⁵ Ср. Л. М. Глускина, Новые работы по истории земельных отношений и кредита в древней Аттике, ВДИ, 1957, № 4, стр. 165; *Mossé*, ук. соч., стр. 43—54.

⁸⁶ *Dem.*, XXXVI, 50; XLV, 69; XLIX, 11, 67; *Lys.*, XIX, 40.

⁸⁷ *Dem.*, XVII, 15; XXXVII, 49; *Iso cr.*, VII, 33—34; XII, 258—259; *Lys.*, XXXI, 18.

⁸⁸ *Aristoph.*, *Eccles.* 565 слл.; он же, *Plut.* 536—550; *Iso cr.*, VII, 54, 83; VIII, 129; *Dem.*, X, 36, 42—44; XXXV, 5, 54; XLV, 67, 69—70; L, 7, 11—12; *Xen.*, *Oec.* XI, 10; *Mem.* IV, 2, 37; *Symp.* IV, 31.

⁸⁹ Иногда должник оказывался разоренным, если кредитор по каким-либо причинам досрочно требовал следуемые ему деньги, — см., например, *Dem.*, XXXIII, 9.

звучат в афинских источниках применительно к Аттике, что само по себе уже достаточно показательно.

Рассматривая деятельность афинских трапезитов в IV в. до н. э., важно выяснить их взаимоотношения с государством. Характерное для Афин невмешательство государства в частную экономическую деятельность проявляется и в этой области. Трапезитам не возбранялось давать займы под какие угодно проценты, поскольку в Аттике вообще не существовало законодательного ограничения процентных ставок. На трапезитов распространялись законы, охранявшие права кредиторов, в том числе признание законности любой сделки, заключенной с согласия участвовавших в ней сторон. То, что тяжбы, связанные с трапедами (*δίκαι τραπέιται*), подлежали срочному рассмотрению в течение месяца (*δίκαι ἑμηνυοί*) наряду с процессами по торговым делам или просто связанными с процентными займами (Arist., Ath. Pol. 52,2), говорит о государственном поощрении деятельности трапезитов, которые способствовали оживлению экономической жизни страны.

В то же время у нас почти нет данных о прямых отношениях или связи между Афинским государством и трапедами. Как известно, в случае нужды в займах Афинское государство обращалось к храмовым кассам и сокровищницам⁹⁰. Развитая система литургий, эйсфоры и добровольных пожертвований на общественные нужды (*ἐπίδοσις*) избавляла государство в Афинах от необходимости обращения к займам у частных лиц, что практиковалось в IV в. и позднее в других государствах Греции⁹¹. Правда, в двух афинских надписях — одна последней четверти V, другая — IV в. до н. э. — упоминаются трапезиты, но контекст не позволяет выяснить, кто они такие и каковы их взаимоотношения с государством⁹². Во всяком случае у нас нет данных о существовании в Аттике таких государственных трапез, какие засвидетельствованы для эллинистического и римского периодов в Балканской Греции и на Востоке⁹³. При данном состоянии источников можно сказать, что в Афинах IV в. основной круг деятельности трапез не был связан с финансовыми делами государства.

Об афинских трапедах после IV в. до н. э. мало сведений. Исчезает такой источник, как судебные речи. Если верно дополнение издателей, то

⁹⁰ Andreades, ук. соч., стр. 180, 341 сл.; G. Busolt, Griechische Staatskunde, I, Münch., 1920, стр. 619 сл.

⁹¹ Pleket, Epigraphica I, № 28, 29; RIJ, I, стр. 276/308, 313—341; [Arist.], Oec. II, 16—19, 1348b, 16—36, 1349a, 1—2, 9—13.

⁹² B. D. Meritt, Attic Inscriptions of the Fifth Century, «Hesperia», XIV, 1945, стр. 119—122, № 11, сткк. 19—20 (=SEG X, 87): *ὑπὸ τὸν τραπέετον*. Дополнение бесспорно, но ввиду плохой сохранности текста и больших лакун на камне нельзя определить, в какой именно связи упоминаются трапезиты. Поскольку речь идет об обмене золотых и негодных серебряных монет на стандартные должностными лицами афинского монетного двора, возможно, что их обязали провести эту операцию и с монетами, хранившимися у трапезитов. Во второй надписи 329/8 г. до н. э. из Элевфина (IG, II², 1672, сткк. 39—40) говорится, что средства на строительство крепостной стены берутся у соответствующих должностных лиц и у трапезита (*πρὸς τοὺς τραπέετους*). Не совсем ясно, идет ли речь о государственных деньгах, которые были на хранении в трапезе, или о займе. Так как имя трапезита не названо, то, очевидно, речь шла об определенной трапезе — это могла быть или частная трапеда, имевшая особые связи с государством и выполнявшая его поручения по приему платежей и выдаче денег из кассы, или государственная трапеда (*ὁ γὰρ σὺν τραπέετῃ*). Такая трапеда в Аттике упоминается впервые в надписи уже римского времени (IG, II², 113—100 г. до н. э.). Трапеза *ὁμοδοξία* в схолиях к Aristoph. Ran. 367 (Edmonds, I, стр. 530—531, 884—885) справедливо считается анахронизмом. Ср. Bogaert, Banques..., стр. 88.

⁹³ См. E. Ziebarth, Hellenistischen Banken, ZfN, XXXIV, 1923, 1/2, стр. 26—38, 41 сл.; он же, Trapeza, RE, стб. 2198—2201; Hasebroek, ук. соч., стр. 163; Andreades, ук. соч., стр. 193; H. V. Prott und W. Kolbe, Die 1900—1901 in Pergamon gefundenen Inschriften, AM, XXXVII, 1902, стр. 82—86.

какому-то трапезиту воздаются почести в надписи 224/223 г. до н. э. (IG, II², 857, сткк. 7—14)⁹⁴.

Рассмотренный материал о деятельности афинских трапез в IV в. до н. э. позволяет сделать следующие выводы.

Афинские профессиональные денежные дельцы-трапезиты не занимали доминирующего положения в сфере кредитных отношений. Их участие в займах под ипотеку и для морской торговли было незначительным. В то же время роль трапез была велика в кредитовании торговой и предпринимательской деятельности в пределах Аттики. Распространенность такого рода займов недооценивается в научной литературе. Однако характерной чертой займов на производственные нужды было то, что деньги использовались главным образом не на расширение или интенсификацию производства, а на его первичную организацию и текущие расходы. В этом проявляется одна из специфических черт античной экономики, основанной на сравнительно стабильном и очень медленно развивающемся техническом базисе.

Развитие кредитно-денежных операций в это время шло по линии расширения их количественного объема, но не качественного усложнения. Оформление сделок сохраняло примитивный характер. Письменные соглашения не имели юридически доказательной силы, большое значение придавалось свидетельским показаниям. Отсутствие системы нотариата облегчало возможность подделки, фальсификации, а то и просто уничтожения письменных соглашений. Это чрезвычайно усиливало значение личных и деловых качеств трапезитов и персонала трапез, состоявшего из рабов. С этим связана большая роль вольноотпущенников в деятельности афинских трапез. Здесь, как и в некоторых других областях, проявлялось различие между экономической ролью вольноотпущенников и свободнорожденных метеков в хозяйственной жизни Афин IV в. до н. э.

Примитивность оформления денежных операций и деловых соглашений не соответствовала растущим потребностям денежного обращения и неизбежно должна была играть тормозящую роль. Следующая за IV в. эллинистическая эпоха сумела преодолеть этот разрыв. На смену устным соглашениям и свидетельским показаниям, как главному доказательству при спорах по имущественным и денежным сделкам, приходит официальный документ. Прообразом его были письменные соглашения предыдущего периода, скреплявшие сделки, но не имевшие силы юридического доказательства.

Ограничение деятельности неграждан в области кредитно-денежных операций невозможностью для них давать займы под залог недвижимого имущества при той большой роли, которую эта группа населения играла в развитии товарно-денежных отношений, отражает слабую сторону полисного принципа исключительности. В условиях рассматриваемого периода это тормозило дальнейшее развитие экономики. Преобразования и в этой области принес с собой эллинизм.

⁹⁴ Анекдотический рассказ о деятельности афинских трапез во II в. н. э. в связи с наследством, полученным Геродом Аттиком, приводится у Филострата (Philostr., Vitae Soph. II).

SOME ASPECTS OF MONEY AND CREDIT RELATIONS
IN FOURTH CENTURY ATTICA

by L. M. Gluskina

The fact that in fourth-century Athens most dealers in money, *trapezitai*, were metics (especially freedmen) is connected with the substance and forms of their professional activities and the negative attitude of the ancient Greek towards any dependence upon another person. Well-to-do Athenians lent money at interest from their own resources, while trapezitic capital was essentially limited to deposit money. The predominance of non-citizens among *trapezitai* is to be accounted for in some measure also by the disdain which the Athenian citizen felt for chrematistics as a profession.

The prominence of freedmen in trapezitic activities at Athens is connected with the primitive manner in which loan transactions were drawn up, with the fact that written agreements had no notarial or legal validity as proof. This magnified the importance of witness testimony and consequently of the personal and professional qualities of bank personnel, which was composed of slaves. In this as in certain other spheres there is a notable difference in the roles played by freedmen and free-born metics in the business life of fourth-century Athens.

The *trapezitai* did not play a large role in credit operations connected with loans secured by real property or with overseas trade. Most of them did not have the right of ἐγκτῆσις, which put the first type of operations beyond their reach, and the high risk involved in financing sea-borne commerce was further heightened for them by the fact that they were operating with deposit money. On the other hand *trapezitai* took an active part in financing trade and production enterprises within the confines of Attica. The prevalence of this sort of lending in fourth-century Attica has not been fully appreciated.

It is typical of ancient economy that these loans were mainly applied, not to the extension or intensification of production, but to financing its primary organisation and current expenses. Trapezitic credit operations developed along quantitative rather than qualitative lines: the volume of loans increased without advancing the structural evolution of the enterprises they financed.

In the sphere of money and credit operations the limitation imposed on non-citizens by the impossibility of their lending money on real security exposes a weak side of polis exclusiveness. In the conditions obtaining in the fourth century B. C. this put a brake on further economic development, which was to some extent overcome in the following, Hellenistic period.
